

М. Ю. Рузляев

аспирант

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

ГЕОРГ ЕЛЛИНЕК И ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ 1215 ГОДА

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов Георга Еллинека на проблему генезиса института основных прав и свобод. По его мнению, некоторые базовые аспекты современных каталогов конституционных прав и свобод в зародыше уже заявлены в Великой Хартии Вольностей 1215 года. При этом Еллинек невольно открывает возможность не только либеральной, но и марксистской интерпретации содержания Хартии. При либеральном прочтении этого документа невозможно не отметить заградительную функцию основных прав и свобод, которая защищает подданных от произвола со стороны органов государственной власти. При марксистском прочтении бросается в глаза классовая сущность Хартии. В итоге функциональность основных прав и свобод сводится к корпоративной защите имущественных классов.

Ключевые слова: Великая Хартия Вольностей 1215 года, Французская декларация прав человека и гражданина 1789 года, основные права, самоограничение государства, субъективные публичные права.

M. Iu. Ruzliaev

Postgraduate Student

Penza State University, Penza, the Russian Federation

GEORG JELLINEK AND MAGNA CHARTA LIBERTATUM (1215)

Abstract. The article deals with views of Georg Jellinek as far as the genesis of basic rights is concerned. In his view some basic aspects of modern catalogues of constitutional rights and freedoms are present in a nutshell in the Charta of 1215. Unwillingly Jellinek opens the way not only for a liberal, but also for a Marxist interpretation of the said document. For liberals the main feature of the Charta is its averting function which secures protection of right-holders against excessive, or else inadmissible actions on the part of governmental agents. For Marxists the main feature of the Charta lies in its class character because the Charta favours only property owners.

Key words: Magna Charta Libertatum of 1215, The French Declaration of rights of man and citizen of 1789, basic rights, self-restraint of the state, public rights.

Хрестоматийной точкой отсчета зарождения принципа «rule of law»¹ считается Великая Хартия Вольностей 1215 года. Она представляет собой эпохальную уступку, которую был вынужден дать своим баронам тогдашний английский король Джон Безземельный. В принципе Великая Хартия Вольностей должна была закрепить политический компромисс между королевской администрацией и имущественными сословиями (не только баронами), которые уже не могли терпеть возрастающий налоговый гнет ввиду экспансионистской политики короля на континенте. Ведь Джон Безземельный нуждался в бесперебойном финансировании своей - в целом неудачной - военной кампании во Франции для защиты своих континентальных территорий [3; 9; 11].

Великая Хартия Вольностей навсегда определила вектор социально-политического развития Англии и, впоследствии, Великобритании, а именно предопределила постоянный политический акцент на понятии «common wealth», т.е. «общее благо», которое применяется в странах англо-американской правовой

¹ Англ. «управление посредством права», а не посредством произвола монарха и его чиновников

традиции для обозначения способного к самоорганизации «политического сообщества». За пределами англо-американского политического ареала термин «common wealth» подошел бы для социально-политической характеристики, скажем, затерянной в сибирских лесах старообрядческой общины, но он совсем неприменим для характеристики феодальной Московии и, тем более, императорской России: там, где начинается сфера профессиональной бюрократии, исчезает пространство и инфраструктура «common wealth».

По контрасту термин «state», т.е. «государство», в английском языке является обыденным понятием, лишенным политического пафоса. Этот термин употребляется лишь для того, чтобы различать разные иностранные государства (например, Россию и Болгарию) или для того, чтобы отличать государства от негосударств, например, от конфессий, этнических диаспор, ТНК и т.п.

На европейском же континенте понятие «государство» надежно закрепилось после Вестфальского мирного договора 1648 года и уже не исчезало из политико-правового лексикона. Вместе с тем универсальная проблема соотношения политической власти и допустимой сферы свободы для тех, кому есть что терять, т.е. для имущественных сословий, всегда оставалась на политической повестке дня. В ходе противоборства бюрократического государства, воплощением которого стали сначала абсолютистская Франция, а затем абсолютистские Австрия и Пруссия, в середине 19 века в немецкоязычных государствах появился термин «Rechtsstaat», и вскоре немецкие либералы, опираясь на политические идеи Канта, разработали доктрину «правового государства» [1; 4].

Впоследствии Георг Еллинек поместил термин «Rechtsstaat» в самую сердцевину своей доктрины о самоограничении государства, т.е. его добровольном подчинении позитивному правопорядку наравне с обычными гражданами. При этом Еллинек противопоставляет понятию государства как объекта манипуляций со стороны власть предержащих понятие государства как субъекта, который интегрирует внутри себя и подданных, и политический класс [5].

Правда, на европейском континенте, государство, во-первых, само определяло сферу своего самоограничения правом и, соответственно, оставляло за собой неподконтрольную сферу (политического) усмотрения. Во-вторых, степень указанного самоограничения также оставалась на усмотрении политического руководства.

Для заявленной темы более интересна другая доктрина Еллинека, а именно его теория субъективных публичных прав [6]. Как известно, классические субъективные права (в сфере гражданского права) действуют всегда по горизонтали между равными для правопорядка субъектами (например, между продавцом и покупателем). В системе же субъективных публичных прав по Еллинеку эти права действуют по вертикали, а именно всегда снизу вверх – от обычного гражданина к носителю государственных полномочий.

Как раз в контексте двух указанных доктрин Еллинек поставил перед собой задачу исследовать вопрос о зарождении самой идеи самоограничения политической администрации посредством права, а также идеи вертикальных (снизу вверх) притязаний подданных в адрес носителей государственных полномочий. Как представляется, совместное зарождение этих идей Еллинек зафиксировал в Великой Хартии Вольностей 1215 года, а не в Декларации прав человека и гражданина 1789 года.

Исследованию этой исторической проблемы Еллинек посвятил небольшую брошюру, которая вызвала бурную реакцию во Франции [7]. В своем исследовании Еллинек выдвинул два новых тезиса. Первый тезис носил, скорее, формальный характер и касался вопроса об исторической точке отсчета кристаллизации будущего института основных прав и свобод. Он сводился к утверждению, что истоки института основных прав следует искать вовсе не в идейном наследии Ж.-Ж. Руссо и последующей реализации идей Руссо во французской «Декларации

прав человека и гражданина» 1789 года, а в многовековой эволюции общего права (common law).

Согласно Еллинеку, главная идея «Общественного договора» Руссо заключалась вовсе не в том, чтобы содержательно закрепить каталог неотчуждаемых прав человека. Напротив, общественный договор в духе Руссо «изымал догосударственные права индивида, производил конфискацию естественного человека и превращал его в «citoyen», который не может против общей воли (нации – М.Р.) утвердить за собой какую-либо собственную сферу» [10].

Другими словами, Руссо, и особенно его демократический национализм, не допускает даже мысли о правах индивида против нации, отрицает саму возможность «тяжбы» между отдельным гражданином и государством. Соответственно, Руссо была чужда классическая идея прав человека, а именно субъективного (и оборонительного) правопритязания индивида против (чрезмерного или недопустимого) требования со стороны государственного органа.

Проблема заключалась и в том, что институт основных прав и свобод является инструментом гражданского общества, которое по необходимости включает в себя самые разные социальные слои, конфессии, профессиональные ассоциации и т.п. Руссо же был не только демократом в классическом понимании, т.е. защитником интересов большинства, прежде всего, против интересов любых меньшинств. Он, как сказано выше, был одним из первых апологетов французского национализма.

Соответственно, Руссо был против того, чтобы между «французом» и его «нацией» (читай, французским государством) возникали какие-либо промежуточные сообщества, вроде профсоюзов или объединений работодателей. Если же отвергать саму идею промежуточных коллективов между индивидом и нацией-государством, то об институте основных прав и свобод индивида, выполняющего заградительную функцию против злоупотреблений государственных органов, и речи быть не может.

Более того, если т.н. общая воля нации, например, в форме якобинского Конвента потребует от конкретного «француза» умереть, то согласно Руссо он добровольно должен это сделать. Материальный аспект или мотив такого требования со стороны государства не имеет значения. Общая воля нации может потребовать это, например, потому что конкретный француз достиг пенсионного возраста, а у «нации» нет денег на выплаты пенсий по старости. Здесь важен формальный аспект: данный француз обязан умереть, поскольку его личная воля как француз обязана всегда совпадать с общей волей «нации».

Именно этот «анти-руссоистский» тезис Еллинека вызвал резкую критику со стороны его французского коллеги профессора Эмиля Бутми [2]. До Еллинека тезис о том, что институт основных прав и свобод является исключительным продуктом французской политической культуры, считался аксиомой. Бурная реакция Бутми по преимуществу носила полемический характер: она не соответствовала уровню научной дискуссии, когда оппонент подкрепляет свои контраргументы ссылками на неизвестные и малоизвестные факты, должны опровергнуть линию аргументации противника. Как бы то ни было, реакция Бутми в какой-то степени способствовала тому, что брошюра Еллинека выдержала еще два издания.

В предисловии ко второму изданию [7] Еллинек с легкой иронией отмечает, что Бутми совершенно не понял характера критикуемой брошюры, которая не являлась политическим памфлетом, отрицающим оригинальность французского вклада в становление института основных прав и свобод, прежде всего, в части концептуального разграничения прав человека, с одной стороны, и прав гражданина, с другой. Это разграничение прямо заявлено в самом названии «Декларация прав человека и гражданина» 1789 года и является бесспорным достижением французской политико-правовой мысли.

Однако по Еллинеку главная задача его брошюры заключалась в исследовании исторических предпосылок института основных прав и свобод как нового института конституционного права. По мнению Еллинека, вовсе не авторитарная политическая история Франции, а политико-правовая эволюция Англии положила начало неторопливой кристаллизации института основных прав граждан, начиная с Великой Хартии Вольностей 1215 года.

Как известно, в этом документе по преимуществу речь идёт о защите интересов имущественных классов. В этой связи примечателен пункт 20 Великой Хартии вольностей: «Свободный человек будет штрафоваться за малый проступок только сообразно роду проступка, а за большой проступок будет штрафоваться сообразно важности проступка, при чем должно оставаться неприкосновенным его основное имущество (*salvo contentamento suo*); таким же образом (будет штрафоваться) и купец, и его товар останется неприкосновенным; и виллан таким же образом будет штрафоваться, и у него останется неприкосновенным его инвентарь, если они подвергнутся штрафу с нашей стороны; и никакой из названных выше штрафов не будет наложен иначе, как на основаны клятвенных показаний честных людей из соседей (обвиняемых)» [8].

Иначе говоря, в этом документе ещё очень трудно найти какой-либо намёк на современный каталог основных прав и свобод, кроме трёх примечательных моментов. Во-первых, Великая Хартия Вольностей 1215 года закрепляет не права отдельного индивида, имеющего социально значимое имущество, она закрепляет корпоративные права и свободы имущественных сословий, не только баронов, но также и купцов. Этот момент будет впоследствии играть особую роль в аргументации Еллинека, утверждающего, что основные права возникли как корпоративные, а не как индивидуальные (см. ниже).

Второй момент, который позволяет рассматривать Великую Хартию Вольностей в качестве прообраза современного каталога основных прав и свобод, заключается в том, что Великая Хартия Вольностей, помимо прочего, выполняла защитительную функцию, т.е. предоставляла бенефициарам (=имущественным сословиям) защиту от произвола со стороны органов государственной власти. В этом ракурсе примечательны пункты 31, 38 и 39:

«31. Ни мы, ни чиновники наши не будем брать лес для укрепления или для других надобностей наших иначе, как с согласия самого того, кому этот лес принадлежит.

38. Впредь никакой чиновник не должен привлекать кого-либо к ответу (на суде, с применением ордалий) лишь на основании своего собственного устного заявления, не привлекая для этого заслуживающих доверия свидетелей».

39. Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе, как по законному приговору равных его (его пэров) и по закону страны» [8].

Третий момент заключается в том, что Великая Хартия Вольностей 1215 года содержит в зародыше идею субъективного права человека вообще, а не только идею политического права подданного Англии. В этой связи представляется чрезмерной та уступка, которую Еллинек сделал Бутми, соглашаясь с последним в том, что именно французы первыми провели чёткое разграничение основных прав человека и политических прав гражданина. В этой связи примечательны следующие пункты Хартии:

«41. Все купцы должны иметь право свободно и безопасно выезжать из Англии и въезжать в Англию, и пребывать, и ездить по Англии, как на суше, так и по воде, для того, чтобы покупать и продавать без всяких незаконных пошлин, уплачивая лишь старинные и справедливые, обычаем установленные пошлины, за исключением военного времени и если они будут из земли, воюющей против нас;

и если также окажутся в нашей земле в начале войны, они должны быть задержаны без ущерба для их тела и имущества, пока мы или великий юстициарий наш не узнаем, как обращаются с купцами нашей земли, находящимися тогда в земле, воюющей против нас;

и если наши там в безопасности, то и те другие должны быть в безопасности в нашей земле.

42. Каждому пусть впредь будет позволено выезжать из нашего королевства и возвращаться в полной безопасности, по суше и по воде, лишь сохраняя верность нам; изъятие делается, в интересах общей пользы королевства, только для некоторого короткого времени в военное время; исключаются сидящие в заключении и поставленные, согласно закону королевства, вне закона, а также люди из земли, воюющей с нами, и купцы, с которыми надлежит поступать так, как сказано выше» [8].

Как видно из текста Великой Хартии Вольностей 1215 года, свобода передвижения для иностранных купцов представляет собой прообраз нынешнего основного права для всех людей, а именно свободы передвижения. Однако нельзя забывать, что речь идёт о корпоративной свободе, зарезервированной, так сказать, за определенным профессиональным сообществом и только; указанная свобода в Хартии ещё не адресована всем людям «независимо от политической, этнической, конфессиональной и т.п. принадлежности».

Выводы: в ракурсе сопоставления двух исторических документов представляется, что «основные права» вовсе не были продуктом гениального прозрения одного-единственного автора (Ж.- Ж. Руссо): прежде всего, они не были результатом дедуктивного метода и рационализации исторического материала. Они были, скорее, нецеленаправленным и даже неосознанным продуктом долгого политического противоборства английских баронов и британской короны. Великая Хартия Вольностей 1215 года, бесспорно, наметила три базовые характеристики современного каталога основных прав и свобод.

Во-первых, Хартия предопределила последующую эволюцию корпоративных прав отдельных привилегированных групп (английских баронов, иностранных купцов) в сторону их постепенной универсализации и индивидуализации. При этом, по свидетельству Еллинека, весь последующий каталог основных прав является по существу «периферией» одного-единственного права, а именно свободы вероисповедания. «Идея законодательно закрепить неотчуждаемые, прирожденные, освященные права индивида имеет религиозное, а не политическое происхождение» [10].

Во-вторых, Великая Хартия Вольностей 1215 года представляет интерес в контексте марксистского анализа. В рамках марксистской теории генезис основных прав и свобод проявляет свою исключительно классовую сущность. Другими словами, сначала возникли корпоративные права для имущественных сословий, лишь значительно позднее, а именно в 19 веке, стали появляться социальные права (для женщин, пролетариата, инвалидов, военных ветеранов).

В-третьих, и уже вразрез с марксистским подходом, следует признать, что корпоративные имущественные права с самого начала, т.е. с момента их закрепления в Великой Хартии Вольностей 1215 года, выполняли заградительную функцию, т.е. были направлены против реальных и потенциальных злоупотреблений со стороны чиновников из администрации Джона Безземельного. До сих пор заградительная функция института основных прав и свобод является главной составляющей в любом современном каталоге конституционных прав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baehr O. Der Rechtsstaat. — Goettingen: Wigand. —1864.

2. Boutmy E. La déclaration des droits de l'homme et du citoyen et M Jellinek // *Annales des sciences politiques*. — 1902. — № 17. — pp. 415–443.
3. Church S.D. *King John: New Interpretations*. — Woodbridge. — Boydell Press. — 2007.
4. Gneist R. *Der Rechtsstaat*. — Berlin: Springer. — 1872.
5. Jellinek G. *Allgemeine Staatslehre*. Dritte Auflage. — Berlin: Haering. — 1914.
6. Jellinek G. *Das System der subjektiven oeffentlichen Rechte*. — Freiburg i.B. : Mohr. — 1892.
7. Jellinek G. *Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte*. Leipzig. — 1895. — 2. Aufl.; Leipzig. — 1904. — 3. Aufl. München. — 1919.
8. *Magna Carta Libertatum* — 1215. <http://www.istanbulbarosu.org.tr/files/docs/Magna2017-1.pdf>.
9. McLynn F. *Lionheart and Lackland: King Richard, King John and the Wars of Conquest*. — London: Vintage Books. — 2007.
10. Stolleis M. *Entwicklung der Menschen- und Bürgerrechte* // Georg Jellinek — *Beiträge zu Leben und Werk* (Hrsgs. Paulson St. L. und Schulte M.). Tübingen: Mohr Siebeck. — 2000.
11. Turner R.V. *King John: England's Evil King?* — Stroud: History Press. — 2009.

REFERENSES

1. Baehr O. *Der Rechtsstaat*. Goettingen: Wigand. 1864.
2. Boutmy E. La déclaration des droits de l'homme et du citoyen et M Jellinek. *Annales des sciences politiques*. 1902.no.17. pp. 415-443.
3. Church S.D. *King John: New Interpretations*. Woodbridge. Boydell Press. 2007.
4. Gneist R. *Der Rechtsstaat*. Berlin: Springer. 1872.
5. Jellinek G. *Allgemeine Staatslehre*. Dritte Auflage. Berlin: Haering. 1914.
6. Jellinek G. *Das System der subjektiven öffentlichen Rechte*. Freiburg i.B.: Mohr. 1892.
7. Jellinek G. *Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte*. Leipzig. 1895. 2. Aufl.; Leipzig. 1904. 3. Aufl. München. 1919.
8. *Magna Carta Libertatum* 1215. Available at: www.istanbulbarosu.org.tr/files/docs/Magna2017-1.pdf
9. McLynn F. *Lionheart and Lackland: King Richard, King John and the Wars of Conquest*. London: Vintage Books. 2007.
10. Stolleis M. *Entwicklung der Menschen- und Bürgerrechte*. Tübingen: Mohr Siebeck. 2000.
11. Turner R.V. *King John: England's Evil King?* Stroud: History Press. 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рузляев Михаил Юрьевич — аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация, e-mail: ruzlyae@gmail.com.

AUTHOR

Ruzliaev Mikhail Iur'evich — Postgraduate Student, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation, e-mail: ruzlyae@gmail.com.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Рузляев М.Ю. Георг Еллинек и Великая Хартия Вольностей 1215 года / М.Ю. Рузляев // *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»*. — 2017. — Т. 5, № 3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ruzliaev M. Iu. Georg Jellinek and Magna Charta Libertatum (1215). *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2017, vol. 5, no. 3, available at: <http://esj.pnzgu.ru> (In Russian).